

Валентин Распутин
**В ТАЙГЕ,
НАД БАЙКАЛОМ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
МОСКВА 1987

СТРАНА
Родная

Валентин Распутин

В ТАЙГЕ, НАД БАЙКАЛОМ

Рисунки
С. Гордюга

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1987

ПО БЕРЕГУ ПО БАЙКАЛЬСКОМУ

Саня ахнул и невольно приостановился, когда, спустившись с горы и вывернув из-за последнего дома посёлка, увидел он утром на площадке, где притормаживал поезд, огромную толпу народа. В серых и вялых утренних сумерках, когда ни свет ни темь, толпа действительно казалась огромной — много больше, чем живёт в посёлке, и люди с трёх сторон всё подходили и подходили.

— Что-то уж сильно много, — озираясь, сказал Саня, у которого испуг от многолюдья ещё не прошёл. — Неужели они все за ягодой?

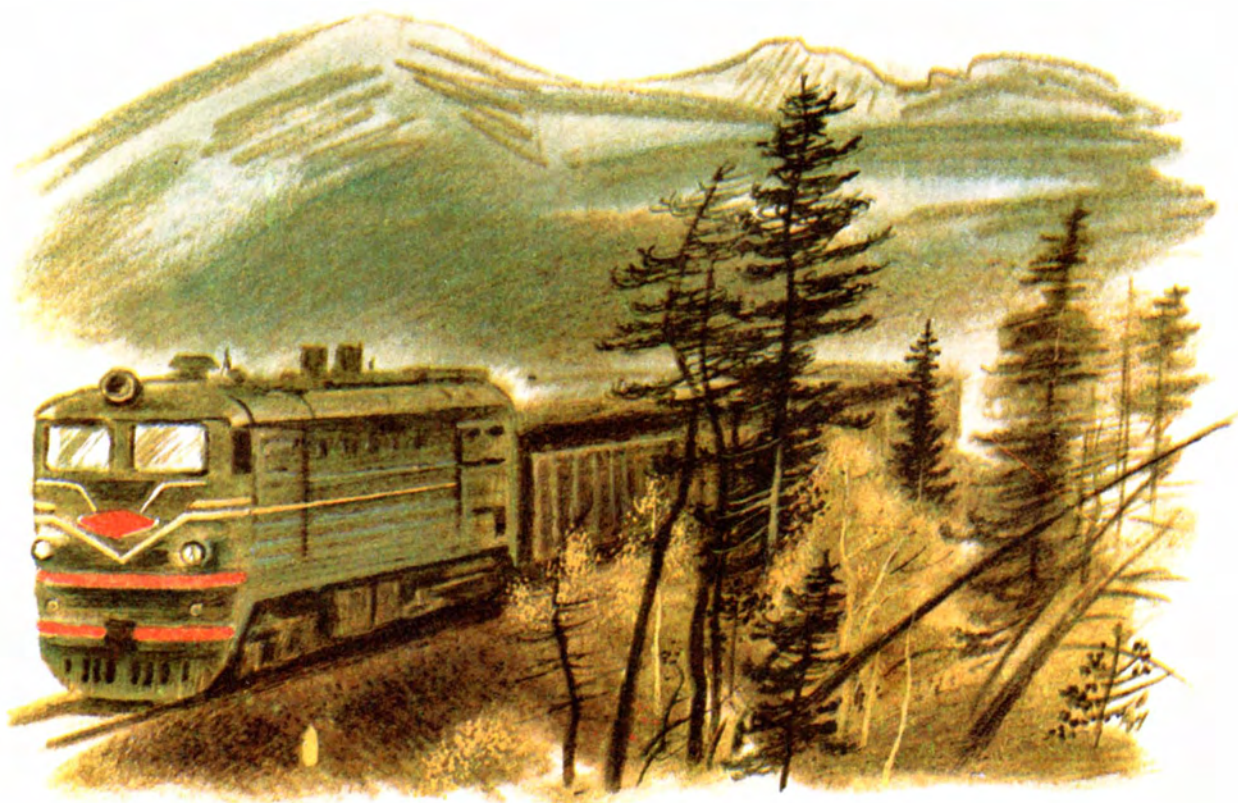
— Ягоды всем хватит, когда бы по-людски её брать, — ответил дядя Митяй.

...Поезд шёл медленно и неровно, подёргивая старый скрипящий вагон. Да это и не поезд был, а скорее грузовой состав, к которому прицеплялось для пассажиров когда три, когда четыре вагона. Рано утром уходил состав из посёлка и поздно вечером возвращался, толкая в вагонах, выгородках и открытых платформах уголь и бензин, сборные деревянные дома, металлические конструкции и огромные, сияющие яркой краской, походные электростанции. Всё это в посёлке перегружалось на корабли и по Байкалу доставлялось потом на северную стройку.

Прежде тут проходила знаменитая Транссибирская магистраль. Из Иркутска она шла левым берегом Анга-

ры и этим берегом Байкала устремлялась дальше на восток. На знаменитой Транссибирской магистрали Кругобайкальская железная дорога была ещё более знаменитой — по трудности прокладки и эксплуатации пути, а главное — по красоте и по тому особенному и необыденному духу, который и в работе, и в дороге может дать только Байкал. Поезд, бывало, останавливался на удобном и красивом береговом километре, и расписания так составлялись, чтобы он мог постоять, а люди могли поплескаться друг другу в лицо байкальской водичкой, поохать и поахать над всем тем, что есть вокруг, и ехать потом дальше с затаённой мечтой увидеть и почувствовать всё это снова.

Эта прежняя жизнь оборвалась вот по какой причине: стали строить Иркутскую ГЭС, и потому железную

дорогу с берега Ангары, который затоплялся новым водохранилищем, потребовалось переносить выше. От Иркутска её спрямили, выведя без зигзагов сразу в самую южную точку Байкала — на станцию Култук, а эта часть дороги от Култука до Байкала осталась, таким образом, не у дел и упёрлась в тупик. Одну рельсовую нитку сняли, другую на всякий случай оставили.

Но то, что не разобрали вторые пути, теперь, когда загремел БАМ, оказалось кстати, и хотя поезд делал по-прежнему за день один круг, рано утром уходя и поздно вечером возвращаясь, шёл он обратно тяжелей и был длиннее. Ягодников это расписание как нельзя более устраивало, чтобы доехать до нужного места.

Они сошли на 102-ом километре, и дядя Митяй, дурачась, замахал машинисту рукой: трогай, больше нам тут никто не нужен!

Т Р О П А

Бессчётное число раз переходили они речку с берега на берег, поднимаясь встречь ей по распадку, то прыгая по камням, то перебираясь по упавшим поперёк лесинам, то вброд, а то перешагивая в узких глубоких горловинах, в которых клокотала тёмная вода. Тропа на белых, как высушенных, камнях терялась, не оставалось, сколько ни осматривался Саня, никакой мало-мальской приметы, но дядя Митяй словно бы видел её поверху и точно выходил на её продолжение. Они шли то по крутому откосу, где больше сил тратилось, чтобы, упираясь, не скатиться вниз, чем передвигаться вперёд; то по такому узкому прижиму рядом со скалой, на котором не только не разминуться вдвоём, но и одному было тесно, так что приходилось заплетать

ноги, чтобы шагать в линию; то по высокой, выше человеческого роста, траве в заболоченных низинах. Но затем тропа, давая отдохнуть, забирала в лес, становилась сухой и широкой, шагу ничего не мешало, и идти по ней было одно удовольствие.

Тайга стояла тихая и смурная; уже и проснувшись, вступив в день, она, казалось, безвольно дремала в ожидании каких-то перемен. Про небо в густой белой мути нельзя было сказать, низко оно или высоко, из него словно вынули плоть и осталась одна бездонная глухая пустота. Солнце сквозь неё не проникало, не было и ветра — тяжёлые, раздобревшие за лето деревья сто-

яли недвижно и прямо, охваченные истомой, и только над речкой, повинаясь движению и шуму воды, подрагивали на берёзках и кустах листья. Время от времени вспархивали птицы. Однажды, шагая, путники испугнули с тропы выводок рябчиков, но и он снялся и улетел спокойней обычного, чтобы не нарушать общей тишины.

Чем дальше уходили они, тем больше становилось кедрача и тем чаще задирает Саня голову, высматривая шишки. Их было много, и висели они — как сидели в густой тёмной хвое, пузато заваливаясь на сторону в поисках опоры.

Потом они оставили речку и взяли от неё влево. До этого всё время тянулся подъём, то положе, то круче, он и теперь продолжался, но они пошли наискось горе, и шли, обманывая её, поначалу легко. Кедрач и ельник остались внизу, начался осинник с высокой и уже полегшей травой, закрывшей с обеих сторон тропу так, что её нащупывали только ноги. Потом и осинник поредел, всё снова пошло вперемешку — кедры, сосны, берёзы, ели, а гора, которую они старательно обходили, словно перехитрив их, развернулась и встала перед ними в рост.

Лес всё больше и больше редел, освобождал небо, — казалось, вот-вот они взберутся наконец на вершину, откуда начнётся крутой спуск; оттого и открылось небо.

С М Е Р Ч

Крутизна действительно поубавилась, в лицо дохнуло свежестью... Саня шёл с опущенной головой, глядя себе под ноги.

— Перекур! — объявил дядя Митяй и сел на первое поваленное дерево, как-то без удовольствия, мрачно довольный тем, что он может ему показать. — Дальше по-пластунски.

Саня не верил глазам своим: только что шли по живому, как всегда на перевале, аккуратному, весело и чисто стоящему лесу, и вдруг... Отсюда, где они остановились, и докуда-то дотуда впереди, где это кончалось, огромной и неизвестно сколько длинной полосой вправо и влево всё было снесено какой-то адской, чудовищной силой. Деревья, наваленные друг на друга, высоко вверх задирали вывороченные вместе с землёй гнёзда корней, топорщились сучьями с не облетевшей ещё

жёлтой хвоей, валялись обломками, треснувшими вдоль и поперёк. Таких завалов Саня и представить себе не мог. То, что не выворотило с корнями,— больше всего это были ели и кедры — обломало, оставив уродливо высокие и расщеплённые пни, стоящие в причудливом и словно бы не случайном порядке. Только кое-где уцелел подрост, и его зелёная хвоя и зелёные листья, уже осмелевшие и прорастающие вверх, казались среди этого общего поражения неуместной игрой в продолжающуюся жизнь.

— Но что это?.. Что тут было? — едва опомнившись, спросил Саня.

- Смерч,— сказал дядя Митяй.
- Какой смерч?
- Такой, с Байкала.

И вот через эту полосу, шириной не более километра, они продирались часа полтора. Дядя Митяй шёл с топором, часто останавливаясь и обрубая сучья, отбрасывая их на сторону, и всё равно идти было тяжело. Они то подлезали под стволы снизу, то забирались наверх и двигались по стволам, как по перекрёщённым и запутанным мосткам, перебираясь со ствола на ствол, чтобы хоть несколько шагов, да вперёд. Шли замысловатыми зигзагами — куда можно было идти.

СОСНЫ

Но когда выбрались они наконец из завала и, пройдя ещё минут пятнадцать по чистой тропке, поднялись на вершину, обрывисто стёсанную слева и сосупающую вправо каменным серпантинем, когда неожиданно ударил им в глаза открывшийся с двух сторон необъятный простор в тёмной мерцающей зелени, победно споривший в этот час с белёсой пустотой неба,— за всё, за всё они были вознаграждены. Среди огромных валунов, заросших брусничником, важно и родовито, не имея нужды тянуться вверх, стояли— не стояли, а парили в воздухе— могучие и раскидистые сосны, как и должно им быть царственными и могучими в виду многих и многих немереных километров вольной земли. Здесь был предел, трон— дальше и внизу, волнисто вздымаясь к дымчатому горизонту и переливаясь то более светлыми, то более тёмными пятнами, словно бы соскальзывая и упираясь, широким распахом стояла в таинственном внимании державная поклонная тайга.

Где-то рядом, сердито заявляя свои права на эту округу, засвистел бурундук. Дядя Митяй засмеялся: — Да уйдём, уйдём, парень. Посидим и уйдём.

КОСТЁР

Славное это было место: на сухом взгорке среди елей и кедров.

Под защитой огромного, густо и широко разросшегося кедра и стоял шалаш, крытый корой и ветками и устланный от земли старым лапником и травой.

Рядом чернело кострище, аккуратно и по-хозяйски обустроенное и обложено камнями, с наготовленным таганком и свисающими с него закопчёнными берёзовыми рогульками для котлов. А чуть поодаль, со стороны реки, высоко упавшую лесину сверху затесали и приспособили под стол.

И чисто, обжито было здесь: ни бумаги, ни банок, ни склянок — порядок, заведённый человеком, поддер-

живала и тайга. Сухие сучья, накиданные ветром, словно приготовлены были для растопки, чтобы не искать её человеку, и загорелись сразу. Дядя Митяй, распорядившись весело и нетерпеливо, сгонял Саню за водой, и, пока нарезали хлеб, пока доставали принесённую еду и раскладывали её в ряд на длинном и узком постолье, пока то да сё — чай был готов. Пили его после трудной дороги всласть и, попив, разморились, осоловели от сытости, от густо и недвижно стоящего воздуха и усыпляющего бульканья воды в речке. Потянуло отдохнуть. Позёвывая, дядя Митяй позволил:

— Ладно, полчаса на отлёжку — самое то. Только чтоб ни одна нога не хрумкала. Успеем, наломаемся.

Он лёг подле затихавшего костра, подложив под голову шапку и подстелив под себя телогрейку, которая зимовала и летовала у него здесь не один уже год.

А Саня сидел у лесины, где пили чай, на камне, и расслабившись, безвольно и дремотно, смотря и не видя, слушая и не слыша, открылся для всего, для всего, что было вокруг: для широкой заболоченной низины за речкой, сплошь заросшей голубичником и размеченной корявыми берёзками; для низкого неба, начинающего постепенно натекать какой-то мутной плотью; для приглушённых и зыбких звуков, доносящихся, как неверное эхо, из глубины переполненного тишиной мира. И всё это вливалось, входило, вносилось нарочком и ненарочком в забывшегося в сладкой истоме мальчишку. Всё это заворожило и обморило его до того, что захотелось застыть здесь, как истукану, и никуда не двигаться.

Было душно. По щеке неподвижно лежащего на боку с закрытыми глазами дяди Митяя струился пот, его пила большая сизая муха, то отбегая, то снова припадая бархатной членистой головкой к натекающей влаге

и не давая ей скатиться за шею. Эта муха в конце концов разбудила дядю Митяя, он сел, встряхнулся, отёр рукавом пиджака пот и осмотрелся.

— Кончай ночевать,— негромко сказал он, позёывая и внимательней всматриваясь в небо.

— Начали, Санёк, начали,— возбуждённо повторял дядя Митяй, когда они перешли речку и встали перед ягодником. Издав губами отрывистый, понукающий звук, дядя Митяй наклонился над кустарником, и Саня услышал, как голо, отрывисто упали в его котелок первые ягоды, а потом, падая и падая, перешли в частый и мягкий бормоток.

ЯГОДЫ

Столько ягоды Саня никогда ещё не видывал. И не представлял, что её может столько быть. Он ходил раньше не раз с бабушкой за малиной, ходил в прошлом году с папой и дядей Митяем здесь же, на Байкале, в падь Широкую за чёрной смородиной; то был первый его серьёзный выход в тайгу, окончившийся удачно, но они брали тогда по оборышам, подчищая оставшееся после других, и хоть набрали хорошо, большого удовольствия это не доставляло. Тут же на этот раз они были первые, никто до них ягоду тут не трогал и не мял, аросло её на диво, в редкий год, по словам дяди Митяя, удаётся такой урожай. Теперь Саня знал, что это такое — кусты ломаются от ягоды: они действительно ломились, лежали от тяжести на земле или стояли согбенно, поддерживая друг друга в непосильной ноше.

Саня раздвигал кусты и замирал от раскрывшегося потревоженного густоплодья. Дымчато-синяя, сыто и рясно подрагивающая сыпь ослепляла, вызывая и удивление, и восторг, и вину, и что-то ещё, чему Саня не знал имени и что западало в душу, — это вместе со скрепляющим чувством — смутным и добротворным. Нагибая к себе куст, обряженный то круглыми, то продолговатыми плодами, Саня приступал к нему с игрой, которая вызвалась сама собой и нравилась ему. «Не обижайся, — наговаривал он, — что я возьму тебя... я возьму тебя, чтоб ты не пропала напрасно, чтоб не упала на землю и не сгнила, никому не дав пользы. И если я тебя не возьму, если ты не успеешь упасть на землю и сгнить, всё равно тебя склюёт птица или оберёт зверь — так чем же хуже, если сейчас соберу тебя я? Я сберегу тебя, — Сане не хотелось признаваться, что он будет варить или толочь ягоду, это казалось вар-

варством,— и зимой маленькая девочка по имени Катя, которая часто болеет...— и грубым, бестактным казалось называть себя— то, что он станет есть ягоду, и Саня вспоминал свою двоюродную сестру, которой и в самом деле перепало немало варенья, так что Саня здесь не совсем лгал,—...и маленькая девочка по имени Катя... она очень любит голубицу, любит тебя, ты очень помогаешь этой девочке. Когда мы приедем домой, ты увидишь её и поймёшь, как ты нужна ей... не обижайся, пожалуйста».

И как приятно было, не заглядывая в бидон, ощущать его всё возрастающую и возрастающую тяжесть, а потом, опуская ягоду, словно бы ненароком натолкнуться рукой на его поднявшееся тёплое нутро: так быстро! И идти с наполненным бидоном к шалашу, по-

стоять подле ведра, прежде чем высыпать в него, за-смотревшись на парную и живую, томно дышащую — каждая ягодка отдельно — светло-глянцевую синеву сбора. Снизу, когда Саня высыпал голубицу в ведро, она была уже отпотевшей и тёмной и казалась задохнувшейся. Отсюда, снизу, можно было кинуть наконец несколько ягодок в рот, обмереть на мгновение от растекавшейся под языком сладости и нежно тающей плоти и, причмокивая, медленно возвращаться обратно к кустарнику, а там на десять, на пятнадцать минут и вовсе забыть про бидон, словно бы допивая начатое снадобье, всё дополняя и дополняя его неоговоренную меру.

Нет, нету на свете ягоды нежней и слаще голубицы, и стойким надо быть человеком, чтобы принести её из лесу в посудине.

Д О Ж Д Ъ

Пошёл дождь, но никто из них ничем не отозвался на него, не заторопился в шалаш, каждый ещё больше заторопил руки. Дождь, падая на кустарник, шумел густо и звучно; мокрую ягоду брать стало трудно, она давилась, мялась, к рукам налипали листья. Быстро темнело, и только тогда, спохватившись, дядя Митяй прокричал отбой. Саня успел к этой поре высыпать в ведро три трёхлитровых бидона, наполнив его больше чем наполовину.

В темноте и под дождём они рубили и подтаскивали дрова, наготавливая их на сырую и беспокойную ночь. Вскипятили опять чай и, забравшись в шалаш, пили его при свете костра долго и сладостно, как можно наслаждаться им только в тайге после нелёгкого и удачного дня.

НОЧЬ

Это была первая Санина ночь в тайге.

Тьма упала — хоть ножом режь, в ней не видно было ни неба за кругом костра, ни сторон, сплошным шумом шумел там дождь. Он то примолкал ненадолго, то припускал сильнее, и сильнее тогда начинал шипеть костёр, сопротивлявшийся воде, с досадой выстреливая вверх угольками и принимающийся время от времени для острастки поддувно и сердито завывать. Но огонь горел хорошо, дядя Митяй, перед тем как окончательно укладываться, навалил на костёр, положив их рядом, две сухие лесины, которых должно было хватить надолго. Саня сидел и смотрел, как мечутся по этим лесинам маленькие древесные муравьи, как отгорает и опадает

щепа, обнажая источенное ими, похожее на опилки, зернистое крошево.

Дождь опять стал примолкать, во вздымающемся воздухе ощутимо донёлся запах можжевельника и кедровой смолы. Перевернулся с боку на бок и что-то проворкотал спросонья дядя Митяй. И ещё тише стал дождь, он висел над костром на тёмном фоне парящим бусом. Саня замер, приготовившись, почему-то предчувствуя, что вот сейчас... И вдруг тьма единым широким вздохом вздохнула печально, чего-то добившись, затем вздохнула ещё раз.

Ожидание и нетерпение исчезли, захотелось спать. Он уснул быстро. И вдруг проснулся, испуганно зашептал:

— Дядя Митяй! Дядя Митяй! Поднимайся! Кто-то ходит.

— Кто ходит... Медведь, наверно, ходит,— недовольно отвечал Митяй.— Кому тут ещё ходить?!

— Слышишь? Ты послушай!

Дядя Митяй, продолжая сердито ворчать, поднялся и стал поджиглять костёр. Затрещали посыпавшие в стороны искры, затем ровно загудел огонь. Когда дядя Митяй вернулся на своё место, Саня уже спал: слова о медведе мало встревожили его — или он окончательно не проснулся, или подействовал спокойный голос дяди Митяя.

И ещё раз он услышал сквозь сон, как где-то далеко голос дяди Митяя ворчливо объяснил:

— Да ты не бойся, спи. Походит и уйдёт. Ему же интересно поглядеть, кто это тут, вот он и выглядывает. Больше мы ему ни про что не нужны. Если бы ты тут жил, а к тебе бы, главное, медведи без спросу припёрлись, на твою территорию,— тебе, что, не интересно было бы? И ты бы так же бродил.

Больше Саню уже ничто не могло разбудить.

УТРО

Первое, что увидел Саня, открыв глаза, было солнце — не случайно выбравшееся из-за туч, чтобы показаться, что оно живо-здорово, а одно-единственное во всё огромное чистое небо, склонённое от горы за речку и дальше, чтобы солнцу легче было выкатиться на простор. Возле горы лежала ещё тень, слабая и начинающая подтаивать, от неё, казалось, и натекала небольшая сырость, но вся низина сияла под солнцем, и взрывчато, звёздчато взблёскивали там на кустах яркими вспышками погибающие капли воды. И куда

всё так скоро ушло — и беспросветная, бесконечная тьма в небе, и дождь, и ночные тревоги и страхи — нельзя было представить.

Костёр догорал, слабый дымок редкой и тонкой прядью уходил прямо вверх. Саня и ступал как-то необыкновенно легко и высоко, словно приходилось затрачивать усилия не для того, чтобы ступать, а чтобы удержаться на земле и не взлететь. Деревья стояли с задранными ветками, и вытянуто, в рост, прямилась трава.

Саню всё в это яркое утро приводило в восторг — и то, как обрывались с кедра и шлёпались о шалаш и о

землю последние крупные капли дождя; и то, как умиротворённо и грустно, вызывая какую-то непонятную сладость в груди, затихал костёр; и то, как дурманяще и терпко пахла после дождя лесная земля; как всё больше и больше выбеливалась низина, куда им предстояло идти; и даже то, как неожиданно и дурноголосо, напугав их, закричала над головами кедровка.

Солнце вошло в силу, воздух нагрелся — пора было приниматься за дело. Саня заглянул в своё ведро, стоящее по-прежнему в рюкзаке под кедром — ягода в нём заметно осела и сморилась, и всё-таки больше двух бидонов, прикинул он, в ведро уже не войдёт. Можно не торопиться. Но только начал он брать, только потекла сквозь пальцы первая ягода, ещё больше налившаяся, отличающаяся от вчерашней тем, что произошло в эту ночь, и вобравшая в себя какую-то непростую её силу, только окунулся он опять в её живую и радостную россыпь — руки заработали сами собой и удержать их было уже невозможно. Под солнцем голубица скоро посветлела и стала под цвет неба — стоило Сане на секунду поднять глаза вверх, ягода исчезала совершенно, растекалась в синеве воздуха, так что приходилось затем всматриваться, напрягать зрение, чтобы снова отыскать её — по-прежнему ясную, крупную, отчётливо видимую.

Я ЭТО ВИДЕЛ!

Саня и не заметил, как набрал один бидон, потом другой... Ведро было полнѐхонько, а он только разохотился. Обвязав сверху ведро чистой тряпицей, которую он для этой надобности и прихватил с собой, чтобы не высыпалась по дороге ягода, он неторопливо стал спускаться по тропке обратно.

Саня сладостно вздохнул—так хорошо было, так светло и покойно и в себе, и в мире этом, о бесконечной, яростной благодати которого он даже не подозревал, а только предчувствовал, что она где-то и для кого-то может быть. Но чтоб для него!.. И в себе он, ока-

зывается, многого не знал и не подозревал — этого, например, нечеловечески сильного и огромного чувства, пытающегося вместить в себя всё сияние и всё движение мира, всю его необъяснимую красоту и страсть, всю обманчиво сошедшуюся в одно зрение полноту. Саню распирало от этого чувства, он готов был выскочить из себя и взлететь, поддавшись ему... он готов был на что угодно.

Захотелось вдруг пить, и он, спустившись к речке, попил, прихлёбывая из ладони.

Солнце поднялось высоко, день раздвинулся шире и стал глубже и просторней.

Всё вокруг было как-то по-особенному ярко и свежо, точно Саня только что попал сюда совсем из другого, тесного и серого, мира или, по крайней мере, из зимы. Воздух гудел от солнца, от его ровно и чисто спадающего светозарного могучего течения; теперь, после ночи, пила и не могла напиться и насытиться солнцем земля. Всякий звук, всякий трепет листочка казался не случайным, значащим больше, чем просто звук или трепет, чем обычное существование их во дню, как и сам день не мог быть лишь движением времени. Нет, это был его величество и сиятельство день, случающийся на году лишь однажды или даже раз в несколько лет, в своём величии, сиянии и значении доходящий до последних границ.

Мальчик сел на камень возле потухшего костра и, задумавшись и заглядевшись без внимания, окунулся опять в тепло и сияние до конца распахнувшегося, замершего над ним во всей своей благодати и мощи, раскрытой бездонности и нежности, без сомнения, заглавного среди многих и многих, дня. Он сидел и слабый, усыпленной, замороженной и отрывистой мыслью думал: «Что же мне ещё надо? Так хорошо! В одно время он, такой день, и я... в одно время и здесь...»

И когда на обратном пути поднялись они с тяжёлой поклажей на вершину перевала, на тот таёжный каменный «трон», откуда волнами уплывали в дали леса; когда, встав на краю обрыва, оглядел на прощанье Саня это сияющее под солнцем без конца и без края и сияющее уже под ним величественное в красоте и покое первобытное раздолье — от восторга и непереносимо-сладкой боли гулко и отрывисто застучало у Сани сердце: пусть, пусть что угодно — он это видел!

БАЙКАЛ СВЕТИТСЯ...

В поздних и мягких сумерках они вышли к Байкалу, перешли через рельсовую дорогу и в высоко и округло, как остров, стоящем лесном отбое между дорогой и берегом скинули со спин поклажу.

Догорел свет, небо потухло, не давая глубины, и затмилось; сгруппа выскочили над Байкалом слабые, мутные звёздочки и тут же, как одёрнутые, скрылись.

Резко и отчётливо выделяясь, темнел лес, не вставший ещё сплошной стеной, выказывающий разнорост и глубину. В нём длинными и тоскливыми вздохами пошумливал верховой ветер. Резко очерчивались густой синью и дальние берега на той стороне Байкала; вода в море, притушенная скучным небом, едва мерцала дрожащим и искривлённым, как бы проникающим из-под дна, свечением...

30 коп.

Для младшего школьного возраста

Валентин Григорьевич Распутин

В ТАЙГЕ, НАД БАЙКАЛОМ

Художник С. Бордюг

Редактор И. Куражина. Художественный редактор А. Асеев.
Технический редактор М. Копылова. Корректор Н. Пьянкова.

ИБ № 2097

Сдано в набор 31.03.86. Подписано в печать 05.11.86. 60×84^{1/8}. Бум. офс. № 1. Гарнитура литер. Печать офсет. Усл. печ. л. 3.7. Усл. кр.-отт. 16.1. Уч.-изд. л. 3.33. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1532. Заказ № 938. Цена 30 коп. Издательство «Малыш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Р 4803010102—042 79—87
М102(03)—87

© Издательство «Малыш» 1984

© Иллюстрации. Издательство «Малыш» 1987